

30 MAR 1936

ФЕЛЬЕТОН КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

• Александр ЛУГИН •

Игралась «коммюнарами» творческая трагедия «Невеста огня». Пестряковская старая, спектакль радиной, но помощник режиссера Бабаев злился, оживить спектакль творческими новшествами. Задолго до начала предствления он несколько раз устраивал прощальные совещания с актерами театра Салтыковым. Совещания эти проходили почти в намету у коллектива, им была секретный характер, что могло казаться странным. Удивительным могло показаться и то обстоятельство, что совещания помощника режиссера Бабаева с актерами Салтыковым сопровождалось огульным хохотом. Но, как известно, некоторые крупные мастера искусства отличались странностями. Например, прославленный режиссер шекопировский имел вид, как рассказывают, творить лишь в том случае, если вблизи него устанавливали сосуд, наполненный вареньем из клубники, причем особенно удачные моменты рождались в голове этого режиссера именно в то мгновение, когда он прихлебывал некоторую порцию варенья. О другом сообщают, что проекты творчески удавались ему лишь тогда, когда он во время работы погружал обнаженный ног в сосуд с холодной водой. И много удивительного в том, что помощник режиссера Бабаев способен творчески работать над углублением трагедии лишь при условии, что какой-нибудь симпатичный весельчак вроде Олтимова будет рассуждать ему по поводу очень забавные истории или анекдоты омерзительно-камерного характера, заставляющие надорваться от хохота. Итак, новый спонсорский план постановки «Невесты огня» был, видимо, к тому, разработанный во всех деталях. То, что должно новаторы в искусство, нередко бывало спорным, но об этом дальше.

Спектакль, сыгранный 22 марта в гостевом театре, проходил как всегда. В седьмой картине на сцене появлялся артистка Махбуба Гасанова, обычно зная в больших залах, а в этом спектакле использовалась по воле режиссера в анимационной роли красивой убогой — типичности и похвалы предельно усложнить дух в игре мизансценированного каллиграфа. Изменений в тексте как будто не было.

Напомним, что во время о право режиссера ломать и доводить авторский текст имеет свою историю. В это время углублялся. Век памяти творческие актеры Нейсхольда, гасило углублявшего Грибодова, Юрия Олину и «Даму с кантатами». Отчего же задержаться этим делом и вмешательству режиссера Бабаева? Но нет, текст все же остался неизменным. Но был нечто новое и в оформлении спектакля и в мизансценах. Это с крайним удивлением и даже жутком узнала Гасанова в своих партнерах и знакомых В. Каледера Салтыкова, обычно никак не занятого в этом спектакле. Тут-то и началось новое. С разницей в пять минут, никто не предвещает, что актеры трагедии «Невеста огня», актрисой Гасановой, дошедший партнер признался в отделе чистоты и кантатами так стремительно и дерзко вмешивался, что ошеломления и изумления вливали в «отдел чистоты» Салтыкова, юная актриса, теряя необходимую на сцене выдержку, резко повернулась в сторону мужа, еще занятый у помощника режиссера. Она увидела его стоящим в нескольких шагах от сцены в роли наблюдателя. Все тело его сотрясало от спешки, как с багряным трудом хохотом. Используя удачный момент, уже «вечерней» в роль» Салтыков играл как тем несчастную актрису выходя, от которого все кровь брызжала. Он в лицо, заставив потугами другие театральные румыны. Чувствуя, что она терпит содрогание. Гасанова, но в слух держать себя.

крикнула в сторону помощника режиссера: «прекратите немедленно! это надо много, ведь я не хохотала!». Не соглашаясь с такой трактовкой роли актрисы-убогих, невозмутимый режиссер-наблюдатель, давлясь от хохота, возразил: «Если вы не хохотала, то во всяком случае — Луна».

Роль Луны в пестряковской трагедии «Коварство и любовь» в свое время с немалым успехом исполняла Гасанова и роль эту она особенно любила.

Из артистического зала, до которого помощнику «дошло» новаторские моменты, особенно в спектакль Бабаевым и Салтыковым, рождался по их адресу весьма известные возгласы. Удивительный скрывал от публики вид артистки, лежащей на сцене в глубоком обмороке.

Директор театра Абдуллаев не без сочувствия выслушал явившуюся к нему на следующую ночь бедную заплаканную Гасанову. Он согласился рассмотреть на досуге ее заявление и выслушать дело. Но девушка знала, что когда директор обещает выслушать, то это, как говорится, — гроб и с мертвой точкой уже дома не движется. Она, как и многие в театре давно, хорошо помнила, как «высказывался» этот же директор жалоба другой артистки Розы Кагировой, вынужденной уйти из театра ввиду решительного расхождения с творческими условиями и принципами тех же Бабаева и Салтыкова. Салтыков был тогда снят с работы, но через несколько дней Абдуллаев его амнистировал.

Действительно в описываемой трагедии начинает развиваться ускоренными темпами. Станет себя объективной и типичной подложкой, думая, что при таких объективностях ей невозможно дальше оставаться в театре и не чувствуя себя в связи добрыми с тем расстаться, шестнадцатилетняя Махбуба Гасанова, принимает решение расстаться... с жизнью. Другого выхода она не находила и не находила в театральном коллективе ни одного человека, который утешил бы ее и объяснил, что выход есть.

Через три дня после спектакля arrests сестрой помощи доставила в городскую больницу девушку, отравившуюся торьяком. Она была без сознания. Ее звали Махбуба, что означает — любящая.

Быть может последним толчком, при котором оштрафованная девушка решительно пригласить смертельно-горький зеленый парок, была вмешательство ей фразы помощника режиссера Бабаева: «Если вы и не хохотала, то во всяком случае — Луна».

Ведь из сцены театра, куда она пришла еще девочкой, ей в роли Луны перестало принадлежать укорять, призывая из рук обреченного ее смерти любимого. Сцена умиротворяла была хорошо прорепетирована и сыграна Махбубой Гасановой. Теперь остается укорять в самых последних рах. Правда, ей совсем не хотелось расставаться с жизнью. Но как жить? Луна же поднимает любимый. Но она, Махбуба, как же она, «обесчещенная», посмотрит когда-нибудь в глаза своему любимому, когда он появится? Нет, казалось ей, вышло. Так назывался последний акт трагедии...

Девушке удалось спасти. Она вышло уже поняла, что ее решение вопроса было глубокой ошибкой, в счастье не оказавшейся рывком.

Коварство шлоящего помощника режиссера Бабаева и сильная «любовь» В. Каледера Салтыкова проявились в плане театральном с предельной выразительностью.

Общаясь, общительность помощника в театре довольно начала и невозможно будут больше случаи, подобные истории Махбубы Гасановой, когда трагедия на сцене перерастает в трагедию в жизни.